

Ольга Батлер

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ БРИТАНИЯ

В британских очерках Ольги Батлер национального аромата не меньше, чем в традиционном английском пудинге и воскресном обеде с жарким (ищите рецепты в книге!). Написанные прекрасным русским языком и присыпанные английским юмором истории о современной, но не забывающей своих традиций Британии никого не оставят равнодушными. Но назвать эту книгу стопроцентно легким чтением нельзя. Пасторали и смешные сценки соседствуют со статьями о британских политиках и социальных проблемах: как английские детки «строят» учителей, поколение безработных устроило бэби-бум, а политкорректность меняет английский язык.

«Это не обычная книжка из ряда "какие эти англичане странные", а сборник мастерски написанных текстов-наблюдений, очень тонких и очень точных, о живой, меняющейся, многогранной Британии».

*Вера Цветкова, обозреватель
«Независимой газеты»*

Ольга Батлер

МОЯ
МАЛЕНЬКАЯ
БРИТАНИЯ

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург»
2011

УДК 39+9
ББК 26.89
Б28

Батлер О. В.

Б28 Моя маленькая Британия. — СПб.: БХВ-Петербург,
2011. — 336 с. — (Цивилизация)

ISBN 978-5-9775-0703-5

В британских очерках Ольги Батлер, впервые опубликованных в «Независимой газете», национального аромата не меньше, чем в традиционном английском пудинге и воскресном обеде с жарким. Написанные прекрасным русским языком и присыпанные английским юмором истории о современной, но не забывающей своих традиций Британии никого не оставят равнодушными. Но книга не является стопроцентно легким чтением. Пасторали и смешные сценки соседствуют со статьями о британских политиках и социальных проблемах: как английские детки «строят» учителей, поколение безработных устроило бэби-бум, а политкорректность меняет английский язык.

Для широкого круга читателей

УДК 39+9
ББК 26.89

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. СТИЛЬ ЖИЗНИ	7
Маршрутами островитян	9
АА и В&В в азбуке путешественника	9
Скелет в пивнушке.....	15
Страна художника Констебла.....	18
Путешествие по Сассексу в вагоне третьего класса.....	22
Бабушка всех подземок	27
Первопроходцы	28
Призраки подземелья	30
«И исус любит тебя»	31
Дорогие мечты	32
Что для русского болезнь, у англичанина – хобби	33
Бес счета.....	33
Какого цвета Тинки-Винки.....	36
Обмен женами	40
Об искусстве готовить йоркширский пудинг, и не только его.....	44
Жаба в дыре.....	44
Большой воскресный обед	47
ГМО в хлебе насущном.....	52
Супермаркет на букву «С».....	55
Старомодная бакалея	58
«От синдрома миссис М ортимер» – к полной политкорректности62	
Ужасный, ужасный мир миссис М ортимер.....	62
Негодные народы	63
Дешевые авиабилеты против предрассудков.....	68
Под небом голубым был город золотой.....	70
Иконы, спасенные исламом.....	72
Колыбель православия.....	74
Пища для размышлений	75
Полная ПОПОлиткорректность	76
Вавилондон	79
Перегруженный корабль	82

Великая феминистская революция и ее последствия	85
Королевы У лья.....	85
Раздеться по-английски	89
Союз шеста.....	90
Мы тоже в неглиже!	92
Что носят в Лондоне	94
«Девушка из Эссекса»	94
Английский дом-крепость так просто не сдается.....	98
Леди, лорды и остальные.....	98
Верхи, низы.....	99
Что увидел дворецкий	100
«Надеюсь, в раю будет так же хорошо»	101
Барышни-крестьянки	104
Би и ип... Ф улфорд.....	105
Эдвардианское настроение	107
Belle Epoque	107
Дом для семейного счастья.....	109
Задача с двумя кранами.....	111
Нарушитель порядка мистер Ф окс	115
Ритуалы, отшлифованные поколениями	118
Christmas.....	118
Главный праздник.....	118
В духе Диккенса	121
День отца.....	123
Джон и Ш армейн.....	127
«Пока смерть — а не долги — не разлучит нас...»	129
Традиции	132
Крошки от свадебного пирога	133
В шотландском замке.....	134
Родившиеся на рубеже тысячелетий	138
Дети из кокона.....	138
Хорошенькая в красных тифельках играет на диджериду	141
«Бессовестное поколение»	144
Не такие, как все.....	147
Русские в Британии	151
Из «богатых деток» — в граждане мира.....	151
«Война и мир» — реконструкция	155
На русском вечере «Гелоса» в Лондоне.....	159
О чем была песня.....	162
Автопортрет в народном костюме.....	165

Нация коллекционеров, нация эксцентриков.....	170
Геи в Британском музее: маски сняты, вызов принят	170
Венера Милосская эпохи политкорректности.....	173
Диагноз — «Statuephilia»	177
Блондинка у окна, на себя не похожая	181
Афоризм как спутник славы.....	184
Британские мечты о Голливуде	187
Натура, реквизит, звезды.....	187
С барахолки — на лондонский Christie's.....	191
Почтовый код Голливуда в Лондоне.....	193
Джеймс Бонд, последний герой империи	196
Эволюция героя.....	196
Роскошные женщины	198
Ш пионский арсенал.....	199
II. ПАНТЕОН. ЛИЦА И ЛИЧНОСТИ	201
Королевская семья. Виндзоры.....	203
Сфинкс на троне.....	203
Рабочее расписание монарха	204
Сколько стоит монархия.....	207
Тяжесть короны.....	210
Любимые сэндвичи королевы	215
Чай для семи тысяч человек? — Нет проблем, Ваше Величество!.....	217
Встречая Виндзоров.....	219
Железный дюк	221
Родом с Корфу	222
Теперь ты — консорт	224
Скрытая боль принца Уильяма.....	226
На золотой тарелке.....	227
Кто станет королем?.....	230
Кейт, правнучка шахтера.....	233
Английская роза.....	238
Розовый сироп	238
На пути к разводу	240
После Дианы	242
Камилла, которая раскачала трон	243
Специальный советник	243
Камилла и корона	246
«Давно пора было зарегистрировать отношения».....	248
Метаморфозы.....	250
Политики	252
Почему британцы любят Черчилля	252
Великая эпоха закончилась.....	253

Человек из плоти и крови.....	253
«Новый, отвратительный» 1945 год.....	256
Ф ултонская речь.....	258
Что может слепой.....	259
Маргарет Тэтчер: железная, бронзовая, разная.....	267
Высокая прическа.....	268
80 процентов счастливыхчиков.....	269
Глобальный тэтчеризм.....	271
Еще немного «тэтчеризмов».....	273
Звезды.....	275
Огонь, пылающий в сосуде.....	275
Полная жизни.....	276
Вивлинг и Ларри-бой.....	277
Гроза над фиалковым полем.....	278
О чем не говорят джентльмены.....	281
Ф лоридский горец.....	282
Биография в футляре.....	283
Men's man.....	285
Кто написал «Imagine».....	287
Материально обеспеченный бунтарь.....	289
«Чертова песня».....	294
Макка и его ангелы-хранители.....	298
Неприятности в раю.....	300
Сестренка.....	301
Стихи и сор.....	302
Огнепоклонник.....	303
«Я, дорогуша, голубой, как незабудка».....	304
Bohemian Rhapsody.....	305
Любовь всей жизни.....	307
Хозяин сцены.....	308
После Ф редди.....	309
Девушка Эми.....	310
«...и получите iPod в подарок!».....	311
Психея в тумане.....	313
Twiggy.....	316
... и сказочники.....	319
Нежный друг детей.....	319
Человек.....	321
Миф.....	323
Чем плохи отцы-сказочники.....	325
«Пожалуйста, приезжай».....	327
Зверушки, наряженные эдвардианцами.....	328
На радость чужим детям.....	329
Джоан Роулинг, миллиардерша с печальными глазами.....	331
Ш ампанское и «роковые мощи».....	331
Тепло для души.....	332
Чертовщина.....	334

I. СТИЛЬ ЖИЗНИ

МАРШРУТАМИ ОСТРОВИТЯН

АА и В&В в азбуке путешественника

Маленькие гостиницы Британии —
штучный товар в эпоху глобализации.

По Англии хорошо ездить на машине. Это шанс увидеть другую страну, не ту, что в Лондоне. В какую сторону королевства ни отправишься, обязательно в конце концов попадешь к морю. Романтика путешествия заключается в его незапланированности. Но ты можешь ездить по острову в полной уверенности, что не останешься голодным и без крыши над головой.

Многочисленные Inn, а также «бэд энд брекфаст», В&В, готовы принять путешественника в любой деревне и городке. Конечно, существует и мир пятизвездочных гостиниц, где номера бронируются заранее — с дорогими египетскими простынями, подарочными банными халатами «для него» и «для нее», шампанским и цветами на столике. Есть также залитые неоновым светом стильные отели в самом центре городов, там, где шум толпы не стихает даже по ночам.

Но старые добрые гостинички — это штучный товар. Они крепко стоят в веках и в эпоху глобализации сохраняют свой характер. Аренда комнаты на уик-энд в сельской B&B в нескольких минутах ходьбы от деревенского паба считается у англичан проверенным способом поднять настроение и расслабиться после рабочей недели.

Даже принц Чарльз испытывает теплые чувства к этим народным отелям. Он останавливался у кумбрийского фермера, который занялся гостиничным делом ради поправки финансов. Чарльз и его охрана занимали все три номера маленького сельского коттеджа Yew Tree Farm.

Никто в крошечной деревне Ростфэйв не догадывался, кем был мужчина в кепке и клетчатой куртке, в дождливый день ходивший на прогулку по местным холмам — личный секретарь принца дала информацию для прессы, когда Чарльз уже выехал из гостиницы.

А владельцы Yew Tree Farm и сегодня гарантируют «настоящий огонь в камине и душевные английские завтраки» постояльцу любых кровей...

Во «Льве и кастрюле» клиента, как в сказке,
Окружат вниманье, забота и почет.
Пуховые перины, и мягкие пружины,
И нежность, и ласка, когда оплачен счет, —
Ни единой жалобы, сервис отличный!
У нас для иноземцев комфорт и уют,
А в этой забегаловке, «Луне и яичнице»,
Только голодранцы местные живут, —

во время первых поездок по Англии песенка из «Табачного капитана» прокручивалась в моей голове всякий раз, когда мы проезжали мимо очередной деревенской Inn. Я тогда удостоверилась, что подобные места и вывески существуют не только в киношных королевствах.

И я до сих пор не пропускаю ни одного названия. Они придуманы по непонятным мне, наверняка очень старым, правилам: все эти «головы» — сарацина, или принца, или русалки,

и «руки» — каменщика, бочара или короля, а также «Джорджи и драконы», «Белые лошади» и «Красные львы». Эти названия выложены золотыми буквами по белому или зеленому фасаду, среди подвешенных корзин, цветущих в любое время года.

В Ноттингеме есть паб с постоянным двором «Путешествие в Иерусалим», претендующий на звание одного из старейших в мире. Владельцы говорят, что в XII веке здесь отдыхали на пути в Святую Землю крестоносцы. А «Дерущиеся петухи» в Сант Албансе занесены в книгу рекордов Гиннеса. Фундамент здания был заложен в 793 году и там, говорят, останавливался Оливер Кромвель. Вообще-то самыми старыми себя считают около двадцати заведений. И, глядя на их низкие потолки и вросшие в землю стены, веришь любим легендам.

Сколько лет гостинице в рыбацком городке Лу в Корнволле? Телефон и кондиционер в этих старых стенах кажутся чужеродными предметами. Помню, я захотела распахнуть окно и поразилась особенному устройству щеколды и ручки. Такие изящные вещи перестали изготавливать еще в начале прошлого века, с появлением конвейера.. А за раскрытым окном — древняя глухая стена соседнего дома и зеленая тихая бездна, доступная только кошкам, заросшая выюнами так, что не видно ни земли, ни окон нижнего этажа. И сто, и двести лет назад другой путешественник так же мог стоять у этого окна, видеть ту же картину.

Мы оказались в Лу по пути к самой крайней юго-западной точке Британии, Концу Земли — Лэндз Энд. Этот острый кусок суши врезается в Атлантику недалеко от Пензанса. За океаном находится Америка.

Лэндз Энд является финишем знаменитого маршрута из Джон О'Гроатс, символической северной точки Британских островов, расположенной в Шотландии. Антикварные модели машин, велосипедов и мотоциклов, на которых британцы-энтузиасты пересекали свой остров десятилетия назад, выставлены в местном музее. Наверняка их маршрут, как и наш, был размечен остановками в маленьких и уютных B&B.

Путешествовать с комфортом очень помогает Ассоциация Автомобилистов, сокращенно AA. Созданная сто с лишним лет

назад засидевшейся в ресторане лондонского Трокадеро группой друзей для обмена опытом, как избежать полицейских ловушек при быстрой езде, АА за годы превратилась в ангела-хранителя автомобилистов. Сегодня, помимо технической помощи, подробных карт и составления любых маршрутов, она заботливо предлагает прошедшие инспекцию гостиницы, разрешая тем использовать символ АА как знак качества. Каждый год подводятся итоги конкурса на звание лучшего владельца В&В. Судьи подчеркивают не только усердный труд победителей, но и чувство юмора, желание сделать свою гостиницу приятной и запоминающейся.

«Постели и завтраки» обычно состоят из восьми-десяти комнат. Чем ближе к деревенской местности, тем ярче занавески и обивка мебели. Цветы на английском текстиле навсегда связаны с сельской романтикой и жизнью в коттедже. Ты войдешь сюда и с непривычки теряешься. Запахи семейного жилья и реликвии чужой жизни плотно окружают тебя. К то ты здесь — гость семьи, любопытный соглядатай? Ведь каждая гостиничка сразу начинает рассказывать о своих хозяевах, которые и живут здесь, и готовят знаменитые английские завтраки.

Моей первой В&В стала гостиница Джона. Он был похож на отставного столичного чиновника. Прочитав запись в книге регистрации, заметил с улыбкой: «Хорошее шведское имя». Я сказала, что имя русское. У Джона в лице промелькнула кислинка, сменившаяся, впрочем, улыбкой. Потом я обнаружила, что соотечественники Джона, не отягощенные университетскими дипломами и, быть может, поэтому более искренние, до сих пор полагают, что в Москве стоят очереди за хлебом, а джинсы — дефицитный товар.

Люди, ежедневно пускающие в свой дом незнакомцев, должны быть хорошими психологами, но момент приема гостей — это еще и демонстрация жизненных принципов и предрассудков. Помню, как возмущались представители британских сексуальных меньшинств, когда владелец английской В&В в дождливую ночь не захотел предоставить кров двум гомосексуалистам.

Зато, в отличие от прежних времен, сегодня редко кто придирается к многочисленным неженатым парочкам, подписыва-

вающимся «мистер и миссис Смит». И у собаки, путешествующей с хозяином, есть все возможности насладиться гостеприимством В&В. Дружелюбное «можно с домашними животными» встречается в рекламках часто.

Мы отправились в очередную поездку, в Шотландию, по беззаботной привычке не подумав о бронировании комнаты. Но на эдинбургских улицах в это время шумел и паясничал ежегодный театральный фестиваль, и ночлег в радиусе пятидесяти километров найти оказалось сложно. В бюро туристической информации нам вручили буклет с адресами близлежащих гостиниц. Я раскрыла его наугад и ткнула пальцем в самую красивую картинку. Нам повезло. «Вам даже очень повезло! — ответила на телефонный звонок хозяйка гостиницы из приморского Северного Бервика. — Пять минут назад был аннулирован один заказ».

Так мы попали в Glebe House, прекрасную шотландскую усадьбу XVIII века, где хозяева сдают несколько комнат. Привычная к незнакомцам хозяйская собачка высокогорной породы уэсти вежливо подставила свой бок для поглаживания. Бисквиты домашней выпечки растаяли во рту, когда мы в библиотеке пили чай из тонких фарфоровых чашек. В нашей комнате были кровать с пологом, старинные игрушки и белоснежные ковры. Я выдвинула ящики черного древнего комода и увидела в них хозяйские вещи. Гостиницей назвать это место язык уже не поворачивался.

Владелица Glebe House, Гвен, по всему — выпускница элитного учебного заведения, с идеальным выговором, какой не встретишь в простой среде, заставила меня задуматься о судьбе владельцев современных усадеб. Чтобы поддерживать огромный дом, им приходится пускать постояльцев и самим же их обслуживать. Впрочем, не знаю, что это для Гвен — вынужденный бизнес или увлечение, в которое она вложила гордость, любовь к чистоте и красивым вещам.

Утром мы сидели в обеденном зале за большим столом, сервированном вроде бы и не для праздника, но по принципу, что любой повод хорош, рядом с тремя другими гостями. Атмосфера и обстановка напоминали романы Агаты Кристи про нарядные

и благополучные дома, где происходят преступления. Воображение разыгралось даже у постояльцев-англичан. «Никого ночью не убили?» — скрипучим голосом спросила старая леди, листавшая «Дэйли Миррор». Позже я обнаружила, что эта B&W считается одной из лучших в Ш отландии.

Если в доме Гвен можно было снимать детективы в духе Кристи, то другая шотландская усадьба напомнила еще одну картинку из телевизора, замок семейства Адамсов. Помещичий дом в глухом лесу — большего размера, чем у Гвен, но запущенный — возник вместе с лужайкой, когда мы уже собирались сворачивать обратно с заросшей дороги.

Мы долго ждали в зале с огромным закопченным камином, шестиметровыми потолками, статуями и бюстами. Рядом с дорожными сумками уселась немецкая овчарка, не спускавшая с нас умных глаз. С поблекших фотографий улыбались нарядные эдвардианские дамы. На столе рядом с продавленным большим креслом лежала курительная трубка, но хозяев не было слышно. Когда они наконец появились — огненно-рыжая Рия и ее муж Рэй — мы вздохнули: в доме живут не привидения, а люди...

Хозяева удивляют гостей, а гости удивляют хозяев. Подводя итоги очередного конкурса на лучшую «постель и завтрак», АА выслушала множество историй, рассказанных конкурсантами. В них фигурировали голые постояльцы, забытые домашние животные, и даже покойник, которого родственники оставили в номере на целый день. Но владелец одной шотландской гостиницы сказал: «Мы закрываем глаза на многие странности». К примеру, он лично проявил выдержку, отвечая на назойливые звонки бывшего гостя, требовавшего найти потерянную им вставную челюсть.

Конечно, британская любовь к этим отелям не является абсолютной. Можно сомневаться в недорогом комфорте «постелей и завтраков» из-за снобизма или из-за неудачного опыта. «Дешевле 200 фунтов в Лондоне и 100 фунтов в глубинке вы ничего приличного не найдете, — говорят скептики. — Иначе вам обеспечены сон в насквозь прокуренной комнате, синтетическое постельное белье и нервный хозяин, который объявляет

комендантский час после десяти вечера». Однако ночевка в том же Yew Tree Farm коттедже стоит всего 25 фунтов, и, по словам принца Чарльза, он наслаждался «необыкновенным уютом».

Столько в мире этих маленьких гостиниц истинного национального аромата — не меньше, чем в традиционном пудинге и воскресном английском обеде с жарким. Среди них не найдется двух одинаковых, поэтому я со свежим любопытством переступлю порог очередной V&V. В путешествии по Британии стоит отклониться от найденных туристических маршрутов, чтобы посетить местный паб и остановиться в сельском отеле. Это возможность вдохнуть тот воздух, которым дышат коренные англичане.

СКЕЛЕТ В ПИВНУШКЕ

Английский фри-хауз рассказывает свои тысячелетние истории.

«Для парковки лошадей и велосипедов» — написано мелом у ворот. «За пенни захмелеешь, за два напьешься в стельку. Чистое сено — бесплатная постелька» — это уже перед входом в заведение. Цены за последние века изменились, и на сене никто больше не спит, но эль и сидр по-прежнему имеются в продаже.

«Королевский штандарт» в Букингемшире — старейший фри-хауз страны (фри-хауз отличается от обычного паба тем, что не связывает себя эксклюзивным договором с пивоварней). И знакомство с его историей позволяет одновременно пройти краткий курс истории Англии.

Пиво в деревне Форти Грин варили и пили с древнейших времен, но доподлинный рассказ о пабе начинается со времен англо-саксонского королевства Уэссекс. Одна местная жительница варила лучший в округе эль. Приготовив очередную порцию, она привязывала к высокому шесту зеленую ветку. Для завсегдаев — рабочих соседнего мелового карьера, а также перевозчиков кирпича и плитки — это был знак: «Добро пожаловать, пивнушка открыта!»

Заведение быстро стало популярным: здесь можно было посплетничать, обменяться товаром, устроить политический диспут и даже подраться. Все как в современном английском пабе. То, что деревня находилась вдали от больших дорог, в те беспокойные времена казалось дополнительным преимуществом.

И его завсегдатаи пили эль, как воду. История умалчивает о состоянии их печенок и количестве прожитых ими лет, но в те времена можно было скорее отправиться на тот свет от глотка простой воды. Эль считался более безопасным напитком.

В 1066 году Уильям Завоеватель подарил близлежащие земли одному норманну — за то, что тот помог ему кораблями. Именно тогда паб получил свое первое официальное имя — *Se Scip*, «корабль».

Потом его частыми посетителями сделались погонщики скота. Их маршрут в Лондон пролегал по «глубокой дороге», края которой были укреплены высокими насыпями, чтобы живность не разбегалась. Сегодня эта древняя аллея похожа на тоннель: сомкнутые макушки разросшихся деревьев совсем закрывают небо.

В Средние века, времена войн и переворотов, удаленное расположение паба было на руку и различным заговорщикам, и просто независимому люду. В 1485 году мужчины с вымазанными черным лицами лихо отплясывали здесь, празднуя восшествие на престол Генриха Тюдора и конец войны Алой и Белой роз.

В XVII веке в заведении были устроены комнаты для отдыха, где останавливался — ни много ни мало — сам Карл I. Хотя вернее было бы сказать, что он не останавливался здесь, а прятался. Король переживал тогда не лучшие времена — боролся с «круглоголовыми» сторонниками парламента.

Паб стал местом, где Карл разрабатывал свою стратегию и где чуть позже сложили головы преданные ему роялисты. Когда контроль над местностью перешел к «круглоголовым», они жестоко расправились с королевскими солдатами, водрузив их головы на пики.

Среди убитых был двенадцатилетний королевский барабанщик. Призрак мальчика до сих пор бродит по округе, и неподалеку от автомобильной стоянки подвыпившие посетители паба не раз слышали тревожную барабанную дробь.

Через несколько лет, когда монархия была реставрирована, пришедший к власти Карл II отблагодарил заведение, титуловав его «Королевским штандартом». Одновременно пабу был возвращен старинный уэссекский символ — дракон. Заведение, в свою очередь, негласно отплатило королю, предоставляя ему комнаты для встреч с любовницами...

Как будто ничего не изменилось с тех времен — в залах все те же сучковатые дубовые балки и старые полы. Они помнят вереницу гостей, для нас давным-давно канувших в небытие. Но сегодняшний «Королевский штандарт» выглядит гораздо целомудреннее. Ушли в прошлое азартные игры, пирушки и разврат в прокуренных номерах.

Теперь его полная легенд, любовно сохраненная старина привлекает многочисленных туристов. И не только она. Кроме преданий, у «Королевского штандарта» имеются другие козыри: традиционные сорта эля, вкусная «бабушкина» еда в историческом меню, а также прогулки по живописным окрестностям.

Мы выбрали в путеводителе маршрут средней сложности и нагуляли аппетит, побродив по холмам, лесу и окраинам деревни. «Попробуйте треску с чипсами, — предложил нам официант, когда мы вернулись в «Королевский штандарт». — Джонни Депп и Тим Бартон ее очень хвалили, когда заезжали сюда после съемок „Чарли и шоколадной фабрики“».

Но я предпочла другое традиционное английское блюдо — ароматный пудинг домашнего приготовления с мясом и почками. Съев его, заказала на десерт другой пудинг (фруктовый с хлебными крошками, утопающий в сладком креме из яиц и молока), потом довольно откинулась на стуле и... увидела прямо над собой самый что ни на есть доподлинный человеческий скелет.

Как он попал сюда? Никто не дал мне вразумительного ответа. Бармен и официанты отделались загадочными шуточками типа «клиент не смог заплатить по счету» или «это самый ранний посетитель ждет заказа». А потом они предложили мне записать свою собственную историю в «Книге привидений», которую ведут посетители. Но мне нечего было рассказать — старинная пивнушка пока не захотела нашептать мне на ухо

одну из своих историй... Знаю, сама виновата. Надо было пить не воду, а эль, сваренный по древнему рецепту.

Зато другие посетители не нарушили традицию. Чем темнее становилось за маленькими окнами, тем громче шумели и хохотали в зале. Официанты только успевали забирать пустые кружки и подносить полные.

Уменьшилось ли количество потребляемых здесь спиртных напитков по сравнению со старыми временами? — Не думаю. Слова Натаниэла Ли, известного драматурга эпохи Реставрации, допившегося здесь до белой горячки, звучат актуально и сегодня: «Они сказали, я свихнулся. А я сказал, они свихнулись. Проклятье, они меня переспорили!» В день, когда драматурга выпустили из Бедлама, он снова напился и был задавлен каретой.

СТРАНА ХУДОЖНИКА КОНСТЕБЛА

Четверо в лодке среди пасторальных пейзажей Англии.

— В субботу будем плавать на лодке с Линдой и Колином в стране художника Констебла, — порадовал меня муж.

Под парусом мы уже ходили, и после этого плавания я с большим, чем бывало прежде, чувством перечитала главу о морской болезни из «Троих в лодке, не считая собаки».

Но в этот раз речь шла об обычной весельной прогулке по речке Стер в Саффолке, в местности, которая со всеми пасторальными и старинными деревенскими коттеджами является музеем под открытым небом. Знаменитый английский художник Джон Констебл родился там в семье мельника в XVIII веке и всю жизнь рисовал пейзажи и переменчивые облака.

Линда добровольно взялась отвечать за повышение моего культурного уровня, и мы уже посетили немало интересных мест Англии, включая Кембридж, замок Рочестер, а также самый крупный супермаркет в близлежащем Апминстере. В супермаркете Линда объяснила, где тут кухонные комбайны, а где посудомоечные машины.

Почему-то, хотя она вовсе не простушка, ее представления о русских и России застыли в замороженном виде со времен холодной войны.

На новогодних танцах в клубе она удивилась, что я под ритмы рок-н-ролла отплясывала вовсе не «казачок». «Линда, ты отстала от жизни», — устыдился своей жены Колин, но, видимо, в ее голове что-то замкнуло раз и навсегда, и она доброжелательно продолжает приучать меня, дочь варварского народа, к цивилизации.

«А в Москве есть вот это?» — любимый вопрос Линды. Да, есть: рестораны, магазины, губная помада, детское питание в баночках, автобусные остановки — подтверждаю сначала я, потом мой муж. Все-таки он лицо менее заинтересованное, поэтому ему доверия больше.

Но он начинает тихо закипать и вынашивает планы страшной мести — пригласить Линду в Москву, встретить ее в «Шереметьево» и вместо Москвы привезти в один населенный пункт недалеко от нашей дачи. Место это унылое, позабытое Богом и районной администрацией, с вонючим рынком на центральной площади. «А где же Красная площадь?» — по сценарию должна спросить Линда. «А вот она», — ответим мы. «А где же Кремль?» — «А нету никакого Кремля, это только картинка из телевизора, пропаганда»...

Наступила суббота, и мы наконец отправились в плавание. Проскользнули под узким старинным мостом, ловко увернулись от встречных лодок, заплыли в тупичок с темной тиной: самое время подкрепиться, ведь уже десять минут гребем. Почему-то во время путешествий — в самолете ли, на поезде или просто на машине — люди едят больше и чаще, и вопрос пропитания приобретает порой даже болезненные масштабы.

Мы съели сырный рулет, мои пирожки, все сэндвичи, опустошили контейнеры с Линдиным салатом и даже не поделились с утками и лебедями, которые в изумлении сгрудились вокруг лодки.

«Там, за поворотом речки, будет кафе — прекрасные кофе и мороженое», — со знанием дела сказала Линда. И вот мы уже гребем за десертом, мимо сонных берегов с рыжими упитанны-

ми коровами, задумчиво пьющими воду из речки, мимо древних дубов, под которыми дремлют сухопутные любители страны Джона Констебла, прямо к прибрежному кафе. За столиком я хочу сказать Линде, что такого в 70 милях от Москвы я точно не встречала — бескрайней пасторали, непуганых лебедят, норových проплыть прямо под веслом.

Но Линда меня опережает: «Смотри, смотри на этого беби», — и показывает на ребенка в сумке-кенгуру у мужчины на животе. «А есть ли в России беби, Ольга?» — спрашивает мой муж. Линда надувается, но обратная гребля опять превращает нас в дружную команду, и Линда всерьез обдумывает, где мы будем ужинать. Она знает замечательный деревенский трактир, но сначала мы заедем пропустить по стаканчику в один паб, где, говорят, любил выпить сам Черчилль.

Для меня здешние пабы — целый мир, который я помню на ощупь: добротное старое дерево стоек и столов, часто с червоточинками, иногда липкое от разлитого пива (не ресторан же), и знаю его душноватый запах — пабы обычно находятся в старых зданиях, и потолки там низкие. А еще в этом мире пламя горит в большом камине, в соседнем зале проходит какая-то доморощенная викторина, и мужские голоса у стойки гудят, прерываемые совершенно невероятным женским хохотом.

В пабы я влюбилась сразу же и потому с любопытством подглядываю за тем, как англичане проводят там время. Если приходит компания, то мужчины по очереди платят за общую выпивку при каждом новом подходе к стойке. А еще есть любители менять за один вечер несколько заведений.

— Мое любимое местечко в холодную погоду, — Линда усаживается в кресло паба, вспугнув призрак Уинстона Черчилля, и мы молча потягиваем вино, перед тем как двинуться в наше восточное предместье Лондона.

Всего-то час езды на машине из Саффолка, но тыходишь в трактир и понимаешь, что люди здесь говорят на другом языке. Хоть это и английская речь, без тренировки ее не поймешь. Это кокни.

Первый шок я испытала по приезду, когда поняла, что выученный в России классический английский здесь не помощ-

ник. Окончания проглочены, слова изменены. «Ты в порядке, дорогуша?» — это в Эссексе вместо «здравствуйте». Ты лихорадочно вспоминаешь что-то из лингафонного курса, чтобы не ошибиться в произношении. А в ответ получаешь: «Чаво?» В общем, это край Элиз Дулитл еще до того момента, как она встретила своего профессора. А мужчины здешние — сорвиголовы, таких в пираты набирали.

Лондонские кокни в XIX веке изобрели такой рифмованный сленг, что их даже западные лондонцы не понимали. «Свинные пироги» — это значит: собеседник ни единому слову твоему не верит. Старый друг — это «фарфоровая тарелка».

Во время ужина спрашиваю Линду, как часто они с К олином обедают вне дома. Раза три-четыре в неделю, говорит она. Я знаю, куда они ходят, — в эти маленькие китайские, индийские, тайландские, итальянские ресторанчики и, конечно, английские трактиры. Представляю русский ресторан в здешних краях — с самоваром, мясными пирогами и блинами. В центральном Лондоне этим никого не удивишь, но в нашем пригороде некоторые люди — те же Линда с К олином — только благодаря мне впервые попробовали гречневую кашу и борщ.

— Ну, как тебе моя страна? — спрашивает Линда.

— Прекрасная, — отвечаю правду. Всю Англию можно назвать страной К онстебла. И как только им удастся при густой заселенности острова сохранять такие волшебные пейзажи? Еще думаю про себя, что моя страна не хуже. Мы просто разные. «Не бывает двух дней, даже двух часов похожих, и не найдется на дереве двух одинаковых листьев — со дня сотворения мира...» Это К онстебл сказал.

Пожалуй, не буду мучить Линду. Покажу ей все-таки и Кремль, и Рождественский бульвар, и Остоженку, и в Сергиев Посад свожу, и в Боровский монастырь, и в магазины разные — пусть тоже просвещается.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО САССЕСУ В ВАГОНЕ ТРЕТЬЕГО КЛАССА

О нежных чувствах британцев
к паровозам.

Значит, так. На простыню с резинкой кладется обычная простыня, на обычную простыню — два вязаных прокрывала. Все это аккуратно загибается на уровне подушек и подтыкается под верхний матрас — чтобы ни единой складочки ни сверху, ни снизу. Потом укладываются высокие спальные подушки — по две. Сооружение закрывается тяжелым покрывалом, на него водружаются еще две парадные плоские подушечки с оборками из того же материала в цветочек, а между ними — нарядная тряпочная кукла и меховой бегемотик. Уф, нижний волан расглаживается... Готово. Заправлено по правилам английского коттеджа.

Мы ночевали в хозяйской спальне, и я замучилась приводить кровать в прежний вид. Дом в деревне Линдфилд, куда приятели Линда и Колин пригласили нас, принадлежит сестре Линды. Сестра с мужем уехали на конные соревнования, и Линда воспользовалась возможностью познакомиться с очередным райским уголком Англии.

Линдфилд не зря называют лучшей деревней Сассекса: причудливо выстрижены кусты в палисадниках, прессованная солома плавно облегает крыши средневековых домов, лавка мясника украшена, как артсалон, и деревенские крикетисты, в белоснежной форме играющие на зеленом поле, похожи издали на резвых ангелов.

Сады здесь огромны, соседей не слышно. Хотя, вполне может быть, наши соседи тихи по другой причине. Общительная Линда вчера поздоровалась с ними, и на подкол: «Вы совсем не похожи на шумных девушек Эссекса», — играючи вынула из-за пазухи гранату:

— Мы из Москвы.

Ее собеседница потеряла дар речи. Теперь, небось, вся деревня затаилась — ожидают нашествие русской мафии и скупку лучших коттеджей.

Наступивший день обещает приключение. Мы едем кататься на столетнем отреставрированном поезде по железной дороге «Синий колокольчик». В Британии таких ретродорог не меньше сотни, но у «Синего колокольчика» — одна из богатейших коллекций паровозов и вагонов. Их парк восстановлен и поддерживается руками энтузиастов.

Англичане гордятся своим железнодорожным прошлым. Ведь решающие изобретения в железнодорожном деле принадлежат не американцам, не французам и даже не братьям Черепановым, а замечательным английским инженерам Ричарду Тревиттику и Джорджу Стефенсону. Невзрачная «Ракета» Стефенсона, которую сегодня можно увидеть в лондонском Музее науки, — прадедушка всех паровых локомотивов мира.

Первая в мире железная дорога общего пользования с паровой тягой протяженностью всего 40 километров была построена в Англии в 1825 году все тем же Стефенсоном. Ее рождение можно назвать триумфом не только британской инженерной мысли, но и индустриальной революции, капитализма, империи. С ее помощью вечная борьба за богатство и покорение территорий продолжилась с невиданным прежде размахом.

В конце XIX века, когда общая длина проложенных в мире рельсов стала равна почти миллиону километров, ритм жизни изменился навсегда. Прежде время ощущали приблизительно, а теперь минуты вдруг стали важными: упустишь даже одну — опоздаешь на поезд.

И все вдруг показалось доступным. Свежие продукты из далеких мест. Быстрая почта. Путешествия. Пирамиды Египта, акведуки Древнего Рима, Великая Китайская стена...

До 1870 года невозможно было найти в мире железную дорогу, построенную без английской технологии или оборудования. Не стала исключением и первая российская магистраль — из Санкт-Петербурга до Царского Села, паровозы для которой закупились в Англии и Бельгии. Неудивительно, что накануне Первой мировой войны британские инвесторы владели 113 железнодорожными компаниями в 29 странах.

Изобретенные в те времена технологии до сих пор приходят на помощь людям. Когда недавно в стране случилась «жестокая»

зима (минус два по Цельсию, и немного снега, но для англичан, особенно в южных графствах, где растут пальмы, — это вызов), она парализовала транспортную систему. Аэропорты были закрыты, машины брошены на обочинах.

На железной дороге тоже начались сбои: нежная электроника, которой напичканы современные поезда, не выдерживает морозов. Пассажиры то застревали в Евротоннеле, то не могли дожидаться обычных пригородных электричек.

И вот, когда было прервано железнодорожное сообщение между Лондоном и Дувром, людей подобрал паровой локомотив «Торнадо», построенный энтузиастами в 2009 году. «Торнадо» в тот день как раз курсировал по юго-востоку острова, отрабатывая вложенные в него деньги (3 миллиона фунтов) — в его вагонах-ресторанах подавали недешевые рождественские обеды.

«Мы с шиком доставили пассажиров по назначению, — рассказал Марк Аллат, председатель траста владельцев локомотива. — Так что если у других железнодорожных компаний появится желание модернизировать свои услуги с помощью паровозов, всегда будем рады помочь».

Сегодня многие британцы ностальгируют по тем временам, когда их инженеры задавали тон остальному миру. Нация, открывшая историю железнодорожного транспорта, с горечью наблюдает за тем, как ее опережают другие.

Сначала Франция и Япония вырвались вперед со своими скоростными магистралями. (Великобритания смогла построить всего около 100 километров.) Теперь бум перекинулся на другие страны — говорят, даже Турция, Аргентина и Украина скоро получат свои аналоги сверхскоростных пассажирских экспрессов.

А еще британцы переживают, что в стране давно нет возможностей целиком построить новый паровоз. Ведь котел для «Торнадо» сделан немцами. Но романтическая привязанность к паровозам не ослабевает. Достаточно понаблюдать за энтузиастами «Синего колокольчика», которые годами разыскивают, восстанавливают старые железки, доводя каждую до блеска, и вдыхают жизнь в древние локомотивы империи.

К олею с тремя станциями проложили еще в XIX веке местный граф Шеффилдский и трое богатых помещиков. Они сделали это для собственного удобства, о чем свидетельствует расписание 1877 года: «Ежедневно курсирует состав для четырех пассажиров до Восточного Гринстеда и далее в Лондон». Кроме их резиденций, никаких поселений рядом не было.

— Неужели это третий класс? — спросила я своих спутников, когда мы расселись в отдельном купе с бархатными сиденьями и резными украшениями. На стене висела инструкция, куда прятаться во время бомбежки. — Ну и жили вы тут. В России до революции третий класс был общим вагоном, в котором все вместе и плакали, и пели.

— Думаю, мы немного попродвинутее вас были, — скромно заметил К олин, и я вдруг вспомнила, как давным-давно муж तो ли в шутку, то ли всерьез предупреждал меня, что муж Линды — русофоб.

Оказывается, в XIX веке железнодорожные компании, особенно американские, предоставляли богатым пассажирам невообразимую роскошь. Мраморные ванны, венецианские зеркала, парикмахерские, бары и даже настоящие камины с бальзамическими дровами, как у банкира Моргана, — все это превращало вагоны в дворцы на колесах.

Другой магнат путешествовал составом из четырех вагонов, один из которых был отведен для его личной коровы. Корова эта давала молоко именно той жирности, которая подходила слабому желудку магната...

Наш старинный состав помчался мимо антикварных semaфоров, лесов, холмистых пригорков с овечками, пару раз прошел сквозь тоннель и подъехал к станции. Бог мой, там его поджидало немало любителей паровозной старины. Сейчас будут претендовать на наше восьмиместное купе.

— Быстро встали у окна, — приказывает мой муж.

Мы группируемся вокруг него, изображая давку, как на кольцевой линии метро в час пик. Только что носами в стекло не упираемся.

Хитрость срабатывает — нам удается отпугнуть семью с тремя орущими младенцами и компанию геев. Они направились

в соседние купе, к японским и немецким туристам. И тут появились две бойкие старушки в оборочках и с длинными зонтами. Они собрались подселиться к нам. Ни отрепетированная давка, ни приветливое лицо моего мужа их не смутили.

Тогда он рявкнул в приоткрытое окно:

— Сбегай еще за пивом!

Старушки замерли, потянули острыми носами воздух и дружно отвернулись от нашего купе.

Так и поехали мы вчетвером — граф Шеффилдский со помещиками. В Кингскоте рядом с нами остановился другой старинный поезд, арендованный для свадьбы. Он был украшен огромными белыми бантами, а в окне вагона первого класса, среди хрусталя, один из гостей сосредоточенно расчленял нечто розовое и морское серебряными щипцами.

На обратном пути мои развеселившиеся англичане дурачились, учились говорить по-русски. Линда после нескольких попыток совершенно по-московски произнесла:

— Краси-ивый... — и сразу поинтересовалась. — Можно сказать, что я — краси-ивый?

— Нельзя, — строго ответила я.

У нее вытянулось лицо.

— Видишь ли, для женского рода другое окончание, — заторопилась я, но увидела, что она уже перестала слушать. Русский снова показался ей сложным, как китайская грамота.

— Ольга, какое у тебя полное имя? — спросил Колин. Они не первый раз соревнуются, кто наконец повторит его без ошибки.

— Ольга Владимировна.

— Как-как? Блади...

— Влади-мировна, — все равно не запомнят.

— Блади Мэри? — с коварной улыбочкой спросил Колин, и все трое залились смехом.

Сами вы Блади Мэри.

— Колин, — набралась я храбрости, — ты когда-нибудь был русофобом?

— Да глупости... — он смутился, — в Греции на пляже поругался из-за лежанки. Я к русским отношусь лучше, чем к неко-

торым своим соотечественникам, — и он с негодованием посмотрел на моего мужа.

Злости в его словах не было. Я по себе знаю, что прощение с очередным предрассудком приносит радость. Это разочарование, повернутое вспять.

БАБУШКА ВСЕХ ПОДЗЕМОК

Остриящие дикторы и машинисты, Рахманинов для хулиганов и призрак древнего египтянина в придачу: лондонской «трубе» почти полтора века.

Моя лондонская станция точно имеет аскетичную двойняшку в Москве, на Филевской линии. Обе построены в условиях строжайшей экономии. Только на лондонской уже не первый год звучит классическая музыка — руководство местной подземки считает, что Рахманинов и Вивальди способны сократить преступность. Вполне верю. Ведь большинство местных «худис» не читали и даже не смотрели «Заводной апельсин».

Сейчас войду в мокрый от дождя вагон, усядусь под плакатиком: «Любовь — это когда на сиденье не кладут ноги», — и понесусь по вечнозеленому пригороду, мимо настенных граффити, мимо чьих-то окошек. В России так близко к железной дороге жилье не строят.

Приблизившись к центру, поезд войдет в тесный тоннель, остановится на первой подземной станции.

— Mind the gap, — прозвучит автоматическое предупреждение о зазоре между краем платформы и дверью.

Фраза, ставшая таким же символом «трубы», как и красный кружок-логотип, с 1999 года и по сей день произносится голосом Эммы Кларк — несмотря на то, что знаменитую дикторшу уволили в 2007 году за нелояльность. Сначала она публично призналась, что боится поездок в «трубе». Масла в огонь подлили размещенные на ее сайте звуковые файлы. В них тем же приятно поставленным голосом Эмма произносила: «Пассажир в красной рубашке, не притворяйтесь, что читаете газету.

Мы знаем, грязный извращенец, вы разглядываете бюст вашей соседки». Или: «Просьба к американским туристам: говорите потише!»

Туристов вычислить просто. Вот по вагону шествует пара. Женщина окидывает пассажиров взглядом и говорит по-русски:

— Ну, Саш, в Африку попали!..

Потом она наступает мне на ногу:

— Сорри!

— Зэц олрайт, — отвечаю я почему-то по-английски и прикрываю глаза.

— Нет, ты посмотри на этих англичанок, — продолжает она, — ничем их не пробьешь. Как они тут живут? И метро у них устойчивое.

Лондонское метро, в самом деле, не может произвести впечатления на избалованную подземными дворцами и четким графиком движения российскую туристку. Но уважать лондонскую «трубу» мы обязаны — как уважают долгожителей за один только возраст. Тем более что трудолюбивая старушка поражает своим масштабом: ее 275 станций расположены на самых разветвленных в мире путях, длина которых достигает 408 км!

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Мысль о передвижении под землей давно не давала покоя английским инженерным умам. В 1798 году некий Ральф Тодд рыл тоннель под Темзой, пока не увяз в зыбучем песке и долгах. Подобная участь ждала и нескольких его последователей. Все-таки к 1843 году — после прорывов воды, унесших десять жизней, — тоннель был открыт самой королевой Викторией. Он оставался пешеходным недолго: в 1869 по нему помчались поезда, и с тех пор движение не прекращается.

Подземную железную дорогу было решено строить в Лондоне еще в середине XIX века, так как omnibusы и экипажи окончательно потеряли скорость на перегруженных улицах. 10 января 1863 года, когда был пущен 3,6-километровый участок от Пэддингтона, пассажирами первого в мире метрополитена сразу стали 30 тысяч лондонцев.

«Труба», как они ее окрестили, трудилась на полную мощь, перевозя 40 миллионов человек ежегодно. К первому тоннелю добавились другие, вырытые тем же открытым способом. В 1884 году они сомкнулись, образовав кольцевую линию.

Локомотивы работали на пару, и, чтобы пассажиры не задохнулись, в тоннелях через каждые сто метров были пробиты вентиляционные колодцы. Должно быть, лондонские улицы, под которыми пролегла «труба», походили на долину гейзеров — с этими вырывающимися на поверхность клубами дыма. Но англичане и здесь нашли остроумное решение: в уважаемом районе Лейнстер Гарденс, дабы не портить пейзаж, спрятали шахту за фальшивым цементным фасадом в полтора метра шириной. Со стороны можно было подумать, что это обычный жилой дом.

Все было впервые, и многим специалистам, кто оказался связан с новым видом транспорта, пришлось заняться изобретательством и рационализаторством. Например, схема станций. Кажется, что может быть проще и очевиднее? Но вначале она располагалась на обычной городской карте. Линии метро выглядели перепутанными.

Помогло вмешательство чертежника Гарри Бека, временно нанятого отделом сигнализации. В свободное от работы время он придумал схему, применив тот же принцип, что и в рисованных им электросхемах. Этим принципом теперь пользуются метрополитены всего мира: каждая ветка имеет свой цвет и расположена строго по горизонтали, вертикали или диагонали, а станции размечены без учета фактических расстояний между ними.

Пробная диаграмма вышла в свет в 1933 году. К радости автора, нововведение полюбили, и Бек продолжил работу над схемой, пока в 1960 году один самоуверенный чиновник не пожелал занять его место. Диаграмма от этого не выиграла, и последующие авторы старались вернуть ей первоначальную простоту. А в благодарность Беку, который до самой смерти рисовал новые эскизы, на ближайшей к его дому станции установлена мемориальная доска.

ПРИЗРАКИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Во время войны лондонцы прятались от немецких бомб в метро. Власти сначала были недовольны, но вскоре сами начали снабжать эти стихийные убежища всем необходимым. Некоторые станции даже сделались правительственными офисами. Например, Черчилль говорил, что станция Даун стрит — одно из редких мест в Лондоне, где он может по-настоящему выспаться.

Сейчас от этой небольшой станции, куда довоенные нарядные пассажиры (в основном жители близлежащих богатых особняков) попадали с помощью двух лифтов или винтовой лестницы, остались приметы, понятные лишь следопытам. На поверхности это — дверь в здании новостного агентства, ведущая к сохранившейся лестнице, а под землей — замечаемый пассажирами просвет в тоннеле, через который на мгновение мелькает часть заброшенной платформы.

В такой густо заселенной привидениями стране, как Британия, для них просто обязан найтись уголок в подземке. Хотя призраки предпочитают заброшенные дома и замки, неработающая станция метро ничем не хуже. Например — Олдвич, закрытая с 1994 года, и используемая для модных вечеринок и презентаций. Там иногда появляется туманная женская фигура в длинном платье. Как объясняют очевидцам, это дух актрисы, которая все ждет своего последнего вызова на бис.

Еще один не успокоившийся на том свете актер с конца 50-х годов пугает народ, бегая по тоннелям в районе Ковент Гарден. После его появления в подсобке станции ее работники потребовали перевести их в другое место. А на станции Банк обитает Черная Монахиня — сестра банковского кассира, казненного в 1811 году. При жизни она, одетая во все черное, каждый вечер в течение сорока лет приходила к банку, чтобы встретить брата. Говорят, ее дух был потревожен рабочими, рывшими тоннель.

В сообществе подземных призраков присутствует также тринадцатилетняя девочка Энн Нейлор, убитая обучавшим ее шляпником и его дочкой. Ее крик, изредка оглашающий своды станции Фаррингтон, называют «вопящим спектром».